

Л.И. НИКОВСКАЯ*

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. В статье рассматриваются социологические аспекты анализа политической конфликтности, связанные с социально-структурными и субъектными основаниями политических процессов и отношений. Показано, что многие проблемы и противоречия социальной сферы, такие как социальная поляризация, избыточные неравенства, бедность и нарушение принципов социальной справедливости, депривация базовых потребностей и интересов, неустойчивая трудовая занятость, существенно детерминируют поле политики и проецируются на объект и предмет политической конфликтности, утяжеляя их течение и позитивные исходы. Неразрешимость социальных проблем и противоречий, их капсулирование вызывают либо снижение интереса населения к политике, к действенности институтов демократии, способствуют расширению пропасти между «частным» и «общественным», порождают ощущение политического отчуждения и бессилия, либо толкают к удовлетворению базовых потребностей за пределами существующих социальных норм и политических институтов, к деструктивным формам разрешения политических конфликтов, что ведет к потере управляемости обществом и социальной катастрофе. Социологический анализ конфликтных взаимодействий, основанных на преобладании горизонтальных связей и отношений, более способствует поддержанию динамического равновесия в обществе и реализации позитивного потенциала политического конфликта, так как отличается гибкими внутригрупповыми связями и подвижными межгрупповыми барьерами в общественно-политической системе. Чрезмерные классовые расколы и неравенства более тяготят к вертикальной поляризации общества, что усиливает «разрывные» линии взаимосвязи «верхов» и «низов», делает жесткой дихотомию

* **Никовская Лариса Игоревна**, кандидат философских наук, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия); профессор кафедры государственного управления и публичной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: nikovsky@inbox.ru

«господство – подчинение» и снижает возможности диалоговой пластичности и гибкости политической системы.

Ключевые слова: социальная структура; стратификация; социальная поляризация; социальный раскол; социальное неравенство; социальная справедливость; потребности; общественные интересы; депривация; маргинализация; бедность.

Для цитирования: Никовская Л.И. Социология политического конфликта // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 34–51. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.02>

Социологический подход к исследованию политики связан в первую очередь с исследованием социально-структурных и субъектных оснований политики, особенно в условиях кризиса, учитывающего различные интересы, которые определяют состояние социума. Современная конфликтологическая парадигма исследования политических конфликтов органически связана с признанием дискурсивного характера теоретического знания и с переходом к «рефлектирующей политике», суть которой не в доминировании силовой аргументации, а в превентивном учете интересов различных сторон. Этот подход подчеркивает роль социальных оснований общественно-политических изменений, позволяя рассматривать совершающиеся общественно-политические события сквозь социологическую призму, учитывающую прежде всего вопросы многомерности и значимости социальной структуры и стратификации общества, проблемы неравенств и справедливости, порождаемые ими, особенности социального поведения субъекта, его потребности и интересы, их взаимодействия и динамику.

Политическая конфликтность сосредотачивает свое внимание на проблемах власти, столкновения интересов, строения и динамики публичного поля, соотношения сил в конкретном обществе, проблемах гражданского общества, массового сознания и лидерства. Политическая деятельность при этом рассматривается не в качестве пассивного выражения социально-экономических интересов или обнаружения указанных объективных законов, а в качестве творческой, креативной силы, создающей новую реальность. Именно субъективная составляющая общественного процесса, массовых действий, повседневной человеческой активности является сегодня наиважнейшим предметом и теоретического анализа, и практического действия по реконструкции социальной структуры и социальных отношений.

Многие сложные и противоречивые явления современного общества связаны с процессами имущественного расслоения, чрезмерной классовой дифференциацией. Не углубляясь в детальные вопросы анализа социально-стратификационных проблем, можно отметить, что современные демократические общества характеризуются трехчленной социально-классовой структурой, где *высший класс* составляют владельцы средств производства и крупного финансового капитала, средний класс включает представителей малого и среднего бизнеса, а также квалифицированных представителей умственного труда, нижний класс – работников физического труда, рабочих [Giddens, 1975]. Социальная напряженность порождается процессами социальной поляризации. Последняя, как правило, приводит к деградации среднего класса, опуская его до многих характеристик нижнего класса, а часть нижнего класса, соответственно, начинает деградировать до уровня критической бедности и маргинализации. Появляются новые, низкостатусные и малоресурсные группы (андеркласс и прекариат). Характер развития современного капитализма не только не устраняет, но и углубляет социальное неравенство, актуализируя противоречие между легитимной системой демократических прав и сужающимися возможностями восходящей мобильности, основанной на принципах меритократии. Эти малоресурсные группы жестко обозначают процесс дихотомизации западного социума [Особенности модернизации ..., 2018, с. 14].

К российским реалиям, судя по глубоким прикладным исследованиям [Шкаратан, 2012; Income stratification ..., 2016], классические западные традиции изучения социальной стратификации слабо применимы, в том числе и неомарксистские, и неовеберинские. Причина этого явления объясняется особой ролью государства вообще и многочисленного государственно-административного аппарата в частности: «Противостояние общества и чиновничества как особого класса общества осознается рядовыми россиянами и даже самими чиновниками. Не случайно все население, от рабочих до представителей крупной буржуазии, гораздо чаще в числе наиболее острых конфликтов российского общества называет конфликт между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, нежели конфликт между трудом и капиталом (“собственниками предприятий и наемными работниками”). Более того – острота

противостояния государственного аппарата и остального общества год от года растет» [Тихонова, 2007, с. 29].

Проблематика социальной дифференциации жестко ставит *вопрос о допустимых пределах социально-структурных различий, возможностях согласования интересов, без которых начинаются деструктивные конфликтные процессы*. Для нашего общества особая актуальность этой проблемы обусловлена рядом причин. *Во-первых*, имущественное расслоение усиливается, темпы разрыва в доходах ускоряются. Особенностью социальной дифференциации является то, что изменились ее критерии. Большинство отечественных специалистов, занимающихся в последние 10 лет исследованием проблем социальной структуры (З.Т. Голенкова, Т.И. Заславская, Мареева С.В., Н.Е. Тихонова, Шкаратан О.И. и др.), убеждены в том, что в качестве основного, структурирующего критерия в России выступают не собственность как таковая, квалификация, образование, престиж профессии, как в западных странах, а прежде всего *уровень материального благосостояния*, определяющий объективно и субъективно воспринимаемый социальный статус в обществе. *Во-вторых*, расслоение в России происходит по модели усиления поляризации социальной структуры и снижения возможностей восходящей социальной мобильности: «Социальная структура России становится все более “закрытой”, а основания для занятия верхних статусных позиций в ней все меньше согласуются с меритократическими принципами и представлениями россиян о социальной справедливости... Очень высокие показатели самовоспроизводства полярных групп, а также растущая поляризация молодежи – довольно опасные по своим социально-политическим и экономическим последствиям тенденции, которые неизбежно приведут к делегитимизации существующего в России общества в глазах населения страны» [Тихонова, 2018, с. 38]. *В-третьих*, среди населения устойчивы эгалитарные настроения. Это выражается, в частности, в признании нормой доступности бесплатного медицинского обслуживания, образования и пр. Тревоги и опасения по поводу развития коронавирусной пандемии эти настроения усилили существенно, выдвигая, например, в повестку дня формирование полноценной системы общественного здравоохранения [Здравоохранение ..., 2018]. *В-четвертых*, стремление правящего режима к социальному миру и согласию предполагает соблюдение ряда требований. В частности, поддержания оптимума

социальной дифференциации. Границы этого оптимума не являются общепринятыми. Они зависят от уровня социально-экономического развития, а следовательно, и материального благосостояния людей, их представлений о социальной справедливости. Не меньшее значение имеют выработка, законодательное закрепление и введение в социальную практику социальных процедур, направленных на согласование интересов, достижение социального партнерства, как в тред-юнионистском, так и межсекторном форматах.

Проблема доминантного классового раскола, особенно в кризисных условиях, актуальна не в последнюю очередь постановкой вопроса о судьбе среднего класса. По мысли социолога из Университета Люксембурга Луи Шовеля, модель общества среднего класса сдает свои позиции во многих европейских странах [Динамика средних классов ..., 2019]. Ослабление роли и веса среднего класса в контексте нарастания социально-экономического неравенства приводит к снижению стабильности демократических институтов и системы в целом. Это может сопровождаться поддержкой радикальных требований популистского типа и ростом социальной напряженности. Движение «желтых жилетов» явилось одним из следствий этого процесса. Аналогичная ситуация и в России. Эксперты НИУ ВШЭ по результатам исследований констатировали, что за последние пять лет произошло падение благосостояния представителей среднего класса, усиление поляризации внутри него и нарастание его социальной неустойчивости¹. Негативные последствия социального сжатия среднего класса скажутся на качественном состоянии всего общества, поскольку именно он в большей степени обладал стабилизирующей ролью, выступая на микроуровне тем «социальным клеем», который объединял между собой различные слои общества, из которых он сам и вышел, активно стимулируя связи как с представителями наиболее обеспеченных слоев общества, так и бедных, вписывая их в единый социальный континуум и препятствуя их окончательному закрытию и противопоставлению. Помимо этого, он объективно снижал уровень применения насилия в социуме, сглаживая наиболее острые противоречия социально-экономического характера [Социальные

¹ Старостина Ю. Экономисты проанализировали благосостояние россиян со средним достатком // РБК. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/04/10/2019/5d95e0b99a79470a6a29a042> (дата посещения: 10.05.2020)

факторы ..., 2010]. В принципе, социальное ослабление среднего класса создает основания для снижения качества функционирования демократической системы и ее институтов, а также усиливает тенденцию к олигархизации. И, что важно для конфликтологического анализа, ведет к вырождению горизонтальных социальных связей и отношений в пользу взаимоотношений вертикального типа, которые характерны для системы «патрон – клиент» [Tarkowsky, 1994]. Напротив, степень «укорененности» и укрепления позиций среднего класса могла бы свидетельствовать о качестве функционирования демократии в социуме, о значимости горизонтальных связей и солидарностей и, наконец, об усилении роли гражданского общества в его взаимодействии с государством.

В современной России мы имеем многомерное, сложное, иерархически организованное социальное пространство, в котором классы, социальные слои и группы дифференцированы по степени убывания обладания властью, собственностью и материальным благосостоянием. Данные исследований показывают, что за последние десять лет произошел самый значительный рост властного и административно-управленческого аппарата – чуть ли ни в два раза [Особенности модернизации ..., 2018, с. 39]. Менее значимые количественные изменения характеризуют социальную группу специалистов высшей и средней квалификации, занимающихся умственным трудом. Что касается квалифицированных рабочих, то их доля в промышленном производстве падает [там же]. Становление современной социальной структуры России идет сложно – не столько путем замещения старых структурных элементов новыми, сколько путем наложения одной структуры на другую, их взаимодействия и противостояния. Эти процессы нуждаются в постоянном мониторинге и анализе.

Отсюда можно сделать вывод, что пока доминирующими социальными тенденциями выступают процессы поляризации внутри социальной структуры, что усиливает состояние ее дихотомизации как в развитых капиталистических обществах, так и в переходных. А это неминуемо приводит к преобладанию вертикальных связей, высокой степени отчуждения населения от власти и центров принятия политических решений. Преобладание этих социально-структурных моделей также способствует сохранению значительного потенциала социальной и политической нестабильности, чреватой самыми неожиданными исходами. Иными словами,

в развитых демократиях одна из основных проблем состоит в поиске оптимума в снижении социальных и экономических неравенств с сохранением эффективности функционирования основных институтов рыночной экономики и либерально-демократической системы. В развивающихся и трансформирующихся социумах, включая посткоммунистические, проблема ставится несколько иначе: как обеспечить базовые социально-экономические и гражданские свободы без чрезмерного усиления любых видов неравенства, которое могут нарушить принципы социального мира и согласия.

Одним из важнейших аспектов социологического анализа политической конфликтности является также исследование проблем социальной сферы, в которой реализуются социальные интересы, потребности, ожидания, мотивы и стимулы людей, характеризующие во многом их включенность в общественный процесс, а также принципы и требования социальной справедливости, которые определяют удовлетворенность существующим социально-экономическим и политическим порядком. Как было сказано выше, особенности классовообразования в постсоветской России привели к тому, что особую роль в нем играли и продолжает играть властно-административные образования. Причем особенность «социальной архитектуры» состоит в существенной расколотости двух полярных социально-экономических совокупностей – на 3% «богатых» и «сверхбогатых» и все остальное общество. Согласно данным исследований ВЭБ и НИУ ВШЭ, в руках 3% богатейших соотечественников сосредоточено свыше 90% всех финансовых активов и ресурсов РФ. А по данным Доклада швейцарского банка Credit Suisse, 10% самых богатых россиян владеют 83% всех богатств страны. При этом отмечается, что количество долларовых миллионеров в нашей стране увеличилось с 14 тыс. человек в 2010 г. до 246 тыс. человек в 2019 г.¹ Авторитетное издание Forbes предоставило свою статистику: в 2019 г. его эксперты насчитали в России ровно 100 долларовых миллиардеров, а суммарное состояние 200 богатейших людей страны составило почти полтриллиона долларов. Для сравнения: 15 лет назад миллиардеров было всего 36².

¹ Global Wealth Report 2019. – Mode of access: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (accessed: 08.06.2020)

² Богатства России прирастают миллионерами и миллиардерами // Коммерсантъ. Экономика. – 2019. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4133424> (дата посещения: 07.06.2020)

Общеизвестно, что значительным конфликтогенным потенциалом обладают такие свойства социальных систем, как характер динамики (роста / падения) материального благосостояния и неравенства, роста / падения безработицы и занятости, а также бедности, особенно в условиях кризиса [Дмитриев, 2010]. Основными тенденциями трансформации социальной структуры современного российского общества стали углубление социального неравенства по многим показателям (экономическое, социальное) и сохранение бедности значительной части населения. Это явилось, в частности, следствием той непростой ситуации, в которой оказалась Россия после введения масштабных антироссийских санкций в 2014 г., которые не могли не отразиться и на динамике качества и уровня жизни россиян, и, прежде всего, наиболее уязвимых категорий граждан, имеющих низкие доходы. Уровень бедности и численность бедных в этот период после снижения с 18,4 млн человек (13%) в 2009 г. до 15,4 млн человек (10,7%) в 2012 г. вырос к 2015 г. до максимума за период 2009–2018 гг. – 19,6 млн человек (13,4%), но в последующие годы постепенно стал снижаться. Как результат, к 2018 г. численность бедных по доходам в России «восстановила» свои масштабы, по состоянию на 2009 г. [Мониторинг доходов ..., 2019]. По состоянию на 2018 г., который является «базовым» применительно к национальной цели обеспечения к 2024 г. снижения уровня бедности в два раза, поставленной перед Правительством РФ в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204¹, в нашей стране насчитывалось более 18 млн человек (или около 13%), являющихся *бедными по доходам*. Бедное население в России преимущественно сосредоточено в сельских территориях (51,4%, 2017 г.), хотя в последние несколько лет соотношение между городом и селом стало медленно выравниваться. Следует отметить, что в России бедность имеет еще одно (немонетарное) измерение – *бедность по жилищной обеспеченности*, определяемой тем, что россияне массово проживают в жилье, не отвечающем минимальным требованиям к размерам площади жилья и / или его благоустроенности (отсутствие в жилье от одного до трех базовых

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата посещения: 21.03.2020)

видов благоустройства – централизованного водоснабжения, центрального отопления, централизованной канализации). Оценка жилищной обеспеченности россиян по минимальным нормативам показывает, что *уровень жилищной бедности составляет в нашей стране около 40%, т.е. почти в три раза выше, чем уровень бедности по доходам* [Мониторинг доходов ..., 2019].

Если же говорить о региональных различиях, то разница душевого ВВП между богатейшими регионами (такими как Москва и Санкт-Петербург) и территориями-аутсайдерами (такими как Республика Тыва, Республика Ингушетия) выше, например, чем в Китае, который известен своими региональными диспропорциями. Беднейшие регионы России уступают по среднему душевому ВВП беднейшим территориям Китая и Бразилии, лишь слегка превосходя индонезийские. В то же время богатейшие регионы нашей страны опережают по этому показателю даже американские и японские территории [Корнилович, 2020].

В целом уровень монетарной бедности, выявляемый относительно фактических стандартов жизни в нашей стране (идентифицируемых величиной доходов на уровне 50–60% медианного дохода), заметно выше уровня бедности, измеряемой на основе законодательно установленного минимального стандарта, т.е. величины прожиточного минимума. Причем основные затруднения для россиян по причине недостатка средств связаны с обеспечением базовых потребностей в качественном питании, обязательных расходов на жилье (жилищно-коммунальные услуги, аренда, ипотечный кредит) и др. Для значительной части россиян (более 40%) расходы на проведение недели отпуска вне дома практически неподъемны. В ЕС доля испытывающих подобную депривацию составляет около 33% [Малева, Гришина, Цацура, 2019, с. 37].

Однако проблема бедности сегодня сочетается с проблемой неустойчивой занятости. Так, по оценкам МОТ, проблема безработицы постепенно уходит на второй план, а главным вызовом для современного рынка труда в глобальном масштабе становится именно нестандартная занятость [Неустойчивость занятости ..., 2017]. Работа в условиях нестандартной занятости в современных условиях связана с такими рисками для работников, как снижение или отсутствие социальной защищенности и низкая оплата труда (ниже, чем среди занятых на условиях стандартных трудовых договоров). По оценкам ИСЭПН ФНИСЦ РАН, неустойчивая заня-

тость в России может охватывать более 60% работников организаций, которые заняты неофициально (без трудового договора и пр.) и / или имеют неустойчивые условия занятости, проявляющиеся через неофициальную (частично или полностью) выплату заработной платы, отклонение от нормальной продолжительности рабочего времени, сокращение заработной платы / часов работы по инициативе работодателя и пр.

Иными словами, за последние почти 20 лет, несмотря на сокращение масштабов бедности, проблема бедности в нашей стране не утратила своей остроты. *Численность бедного населения, имеющего доходы ниже черты официальной бедности – величины прожиточного минимума*, – в период 2009–2018 гг., несмотря на волнообразную динамику, составляла от 15,4 до 19,6 млн человек. По состоянию на 2018 г. уровень абсолютной монетарной бедности в нашей стране составлял около 13,0%².

Характер социальной стратификации в развивающихся (переходных) обществах, имеющей свойство поляризации, как правило, отличается значительным социальным неравенством. Известно, что неравенство оправданно в том случае, если оно способствует индивидуальной и коллективной инициативе в развитии производительных сил, увеличению общественного продукта, уменьшению бедности и социальной нищеты. В России же стало формироваться избыточное неравенство. Самой острой проблемой для нашей страны остается колоссальный разрыв между бедными и богатыми, причем уже на протяжении длительного времени. Пропась между ними стремительно увеличивается, демонстрируя растущую поляризацию населения по уровню доходов. Децильный

¹ На основе данных 27 волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), проводимой Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. – Режим доступа: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms> (дата посещения: 21.04.2020)

² На основе данных Росстата: Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального), в целом по России и по субъектам Российской Федерации, 2018 г. // Росстат. – Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed2-7.htm (дата посещения: 25.04.2020)

коэффициент, показывающий соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения к такой же доле наименее обеспеченного, составляет соотношение 1:15,6 (а с учетом «теневых» доходов – 1:23)¹. Коэффициент Джини, который в значении от 0 до 1 измеряет неравенство в распределении доходов (т.е. при значении, равном 0, распределение доходов совершенно равномерно; чем выше показателя, тем выше неравенство доходов), в 2000–2018 гг. в России был избыточно высоким и составлял от 0,395 (2000) до 0,413 (2018)². По этому показателю Россия находится в группе стран с наиболее высоким уровнем экономического неравенства (таких как Турция, Аргентина, Китай, Индонезия). Иначе говоря, в России наблюдаются избыточный уровень материального неравенства и недопустимо вызывающая дифференциация доходов и богатства. Исследования института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН показывают, что в России именно избыточное неравенство сдерживает осязаемое экономическое развитие, способствует снижению рождаемости и увеличению смертности. При нормальном неравенстве Россия (при норме доходов богатых в 7–9 раз больше, чем у бедных, но не в 15–25 раз, как у нас), уже имела бы гораздо более высокие темпы экономического роста и рождаемости [Бобков, Долгушкин, Одинцова, 2019].

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о наличии эффекта депривации базовых человеческих потребностей и структурных оснований, закрепляющих эти негативные эффекты. На влияние системы дисфункции базовых потребностей и легитимность социально-политической власти указывало резолюционистское направление в исследовании социальной конфликтности. Так, известный представитель этого направления Д. Бертон, синтезируя базовые идеи концепций структурного насилия, теории человеческих потребностей и проблемно-ориентированного метода разрешения конфликтов, особо подчеркивал, что чем больше власть имущие сдерживают удовлетворение потребностей своего электората, тем меньше у них шансов влиять на развитие социального процесса и тем больше проявляется активное сопротивление насе-

¹ Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения // Росстат. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13723> (дата посещения: 14.03.2020)

² См.: там же.

ления, что приводит к потере у него авторитета власти и ее поддержки. Отсюда структуры власти теряют свою фактическую легитимность при формальном юридическом праве. Мера разрыва между ожиданиями и степенью удовлетворения потребностей, по мнению Бертон, есть мера подлинной легитимности или нелегитимности властных структур, независимо от того, насколько они подкрепляются законами и правовыми механизмами. Если социальные группы не удовлетворяют своих базовых потребностей в рамках существующих социальных норм и институтов, то они будут искать их удовлетворения за пределами этих конвенциональных границ. Это и есть, по мысли ученого, глобальная причина социальных конфликтов и нестабильности в современном обществе [Burton, Dukes, 1990].

Таким образом, нерешенность проблем *в социальной сфере*, которые во многом спровоцированы кризисными явлениями экономического развития, *служит основой* – в сознании большинства соотечественников – *соразмерения приемлемости и действительности демократии в российских условиях*. В этом отношении показательны выводы мониторинговых исследований ИС ФНИСЦ РАН¹ восприятия образа демократии россиянами за последние пять лет, которые показали, что в общественном сознании четко проводится разница между нормативно-идеальным образом демократии, воспринимаемым обществом как совокупность ее норм, процедур и институтов (многопартийность, выборность органов власти и пр.), и инструментально-деятельностным, при котором общество реально оценивает, как работают ее институты в качестве механизма реализации общественного блага. По мнению исследователей, в отношении второго аспекта образа демократии имеет место многократно эмпирически подтвержденный факт критичного (если не сказать неприязненного) отношения большинства россиян к модели российской демократии, точнее ее способности обеспечивать реализацию как общего блага, так и интересов различных групп и слоев общества: «...это связано с тем, что благополучие в глазах многих наших сограждан отнюдь не сводится только к “толщине их кошельков”. Большое значение имеют также уровень их соци-

¹ Мегaproект ИС ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах (2014–2018 гг.)».

альной и правовой защищенности, наличие независимого судопроизводства и т.д. Определенное влияние оказал и затянувшийся экономический кризис. В результате многие из них не видят принципиальной разницы между 1990-ми и 2000-ми в таких важных для них и для страны в целом слагаемых “общего блага”, как социальная справедливость и преодоление чрезмерного разрыва между богатыми и бедными. А по таким чувствительным для каждого человека показателям, как цены на товары и услуги, коммунальные платежи, качество образования и медицины, а также уровень коррупции, фиксируется регресс даже по сравнению с “лихими 90-ми”» [Двадцать пять лет социальных трансформаций ..., 2018, с. 138]. Иными словами, неразрешимость социальных проблем и их своеобразное бюрократичивание (как это произошло, в частности, с выплатами врачам, работающим с COVID-19) вызывают снижение интереса населения к политике, к действенности институтов демократии, способствуют расширению пропасти между «частным» и «общественным», порождают ощущение политического отчуждения и бессилия [Двадцать пять лет социальных трансформаций ..., 2018, с. 142–143]. Для нивелирования степени модальности конфликтологического потенциала системных социальных противоречий важно снизить уровень и характер социальной поляризации в стране, который закрепляет адаптацию к кризисным условиям на основе нисходящей социальной мобильности, снижения уровня свободы, заниженных ожиданий, депривации, маргинализации значительной части российских граждан.

Проницаемость социальной проблематики в поле политических процессов уже длительное время предьявляет себя тем фактом, что существенно меняет интерпретацию образа демократии в российском общественном сознании, который отличается от принятого западного рационального дискурса. Многолетние исследования ИС ФНИСЦ РАН показывают, что хотя процесс формирования образа демократии в России еще продолжается, но одна из констант его восприятия остается неизменной: для большинства россиян демократия сегодня предстает такой формой организации политической власти, которая должна, прежде всего, гарантировать базовые социальные права граждан и достойный уровень благосостояния; обеспечивать равенство всех перед законом и гарантировать порядок и безопасность. Словом, в сознании россиян демократично то, что социально справедливо. В целом за послед-

ние годы социально-экономический «фильтр» восприятия эффективности демократической системы в России сохранился [Двадцать пять лет социальных трансформаций ..., 2018]. Недаром, по данным опроса ВЦИОМ, самые значимые поправки в новую Конституцию связаны именно с социальным блоком предложений: гарантия качественного и доступного медицинского обслуживания (95% «за»), обязательность регулярной индексации пенсий, пособий и иных социальных выплат (91% «за»), фиксация МРОТ не ниже прожиточного минимума (90% «за»)¹.

Таким образом, проведенный анализ социологических аспектов исследования политической конфликтности, особенно применительно к России, показал, что предметом политических конфликтов в России выступают прежде всего проблемы и противоречия социального и экономического свойства, а затем уже собственно политико-государственного дизайна складывающейся политической системы, внутри которой противоборство может развернуться по поводу механизмов принятия политических решений и формирования государственной политики, а также субъектов политического действия, от имени которых и в интересах которых выстраивается политическая и социально-экономическая конфигурация социума в целом.

В целом «утяжеленность» собственно политической конфликтности, характеризующей функционирование демократической политической системы, комплексом конфликтов социального, экономического, этнонационального свойства, включение в ее объект и предмет этого ряда проблем и противоречий и, соответственно, социальных субъектов, сужает возможности для позитивно-функционального формата развертывания политической конфликтности. Разрушительные и часто стихийные реакции на вскрывающиеся болезненные социальные противоречия существенно деформируют течение собственно политических конфликтов, препятствуя их переводу в русло конструктивного урегулирования и созидания новых институциональных форм социально-политической жизнедеятельности. Поскольку деструктивное проявление политической конфликтности подрывает устойчивость

¹ ВЦИОМ: 95% россиян считают важнейшими поправки в Конституцию о доступности медпомощи. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8063201> (дата посещения: 24.03.2020)

жизнедеятельности общества в целом, усиливает хаотичность функционирования и изменения его институциональных и структурных основ.

Список литературы

- Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинова Е.В.* Безусловный базовый доход: мышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 8–24. – DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10069>
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь Мир, 2018. – 384 с.
- Динамика средних классов: между экспансией и неопределенностью. – М.: Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2019. – 30 с.
- Дмитриев А.В.* Дезэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов // *Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение*. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 200–221.
- Здравоохранение: необходимые ответы и вызовы времени: совместный доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики от 21.03.2018. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 56 с.
- Корнилович В.А.* Уровень развития региона как фактор стратегического планирования // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 80–88. – DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10056>
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А.* Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. – М.: Издательский дом Дело. РАНХиГС, 2019. – 52 с.
- Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2018 год / В.Н. Бобков [и др.]. – М.: ООО «Фабрика Офсетной Печати», 2019. – 98 с.
- Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда / О.Н. Альхименко [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова. – М.: РеалПринт. – 2017. – 560 с.
- Особенности модернизации социальной структуры российского общества. – М.: ИС ФНИСЦ РАН, 2018. – 200 с.
- Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М.: Новый хронограф, 2010. – 256 с.
- Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: ИС РАН, 2007. – 320 с.
- Тихонова Н.Е.* Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // *Вестник института социологии РАН*. – 2018. – № 27. – С. 11–43. – DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536>
- Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – 526 с.

- Income stratification: key approaches and their application to Russia / V.A. Anikin et. al. – 2016. – 36 p. – (NRU HSE. Series WP BRP/PSP «Public and Social Policy»; No. WP BRP 02/PSP/2016.
- Burton J., Dukes F. Conflict: practices in management, settlement and resolution. – N.Y.: St. Martins Press, 1990. – 230 p.
- Giddens A. The class structure of the advanced societies. – N.Y.; Hagerstown; San Francisco; London: Harper Torchbooks, 1975. – 528 p.
- Tarkowsky J. Sociologia swiata polityki. Patroni I klienci. – Warszawa: Institut Studiow Politycznych PAN, 1994. – T. 2. – 342 s.

L.I. Nikovskaya*
Sociology of political conflict

Abstract. The article deals with the sociological aspects of the analysis of political conflict related to the socio-structural and subjective foundations of political processes and relations. It is shown that many problems and contradictions in the social sphere, such as social polarization, excessive inequality, poverty and violation of the principles of social justice, deprivation of basic needs and interests, unstable labor employment significantly determine the field of politics and are projected on the object and subject of political conflict, weighing down their course and positive outcomes. The insolubility of social problems and contradictions, their encapsulation cause either a decrease in the population's interest in politics, in the effectiveness of democratic institutions, contribute to the widening of the gap between the «private» and «public», generate a sense of political alienation and powerlessness, or push to meet basic needs beyond the existing social norms and political institutions, to destructive forms of resolving political conflicts, which leads to a loss of control of society and social catastrophe. The sociological analysis of conflict interactions based on the predominance of horizontal connections and relationships contributes more to maintaining a dynamic balance in society and realizing the positive potential of political conflict, as it differs in flexible intra-group connections and mobile inter-group barriers in the socio-political system. Excessive class divisions and inequality tend to vertical polarization of society, which strengthens the «discontinuous» lines of interaction between the «top» and «bottom», makes the dichotomy «rule-submission» rigid, and reduces the possibilities of dialogical plasticity and flexibility of the political system.

Keywords: social structure; stratification; social polarization; social division; social inequality; social justice; needs; public interests; deprivation; marginalization; poverty.

For citation: Nikovskaya L.I. Sociology of political conflict. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 34–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.02>

* **Nikovskaya Larissa**, Institute of sociology of the FCTAS RAS (Moscow, Russia); Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: nikovsky@inbox.ru

References

- Alhimenko O.N., Kvachev V.G., Kolmakov I.B., et al. *Employment instability: international and Russian contexts of the future world of work*. Moscow: RealPrint, 2017, 560 p. (In Russ.)
- Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S., et al. *Income stratification: key approaches and their application to Russia*. NRU HSE. Series WP BRP / PSP “Public and Social Policy”, 2016, No. WP BRP 02/PSP/2016, 36 p.
- Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. Universal basic income: reflections on the possible impact on improving the living standards and quality of life and the sustainability of society. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019, Vol. 15, N 3, P. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10069> (In Russ.)
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Kolmakov I.B., et al. *Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia-2018*. Moscow: “Factory of Offset Printing”, 2019, 98 p. (In Russ.)
- Burton J., Dukes F. *Conflict: practices in management, settlement and resolution*. New York: St. Martins Press, 1990, XXIV, 230 p.
- Dynamics of the middle classes: between expansion and uncertainty*. Moscow: Institute of social policy of the higher school of economics, 2019, 30 p. (In Russ.)
- Dmitriev A.V. Deescalation of the conflict as a way of stabilizing regional societies. In: *Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension*. Moscow: New chronograph, 2010, P. 200–221. (In Russ.)
- Features of modernization of the social structure of Russian society*. Moscow: IS FCTAS RAS, 2018, 200 p. (In Russ.)
- Giddens A. *The class structure of the advanced societies*. N.Y.; Hagerstown; San Francisco; London: Harper Torchbooks, 1975, 528 p.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V., Andreev A.L., et al. *Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: experience of sociological analysis*. Moscow: Ves’ mir, 2018, 384 p. (In Russ.)
- Healthcare: necessary responses and challenges of the time*. Joint Report of the Center for strategic research and the Higher school of economics dated 21.03.2018. Moscow: HSE, 2018, 56 p. (In Russ.)
- Kornilovitch V.A. The level of development of the region as a factor of strategic planning. *Living standards of the population in the regions of Russia*. 2020, Vol. 15, N 1, P. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10056> (In Russ.)
- Maleva T.M., Grishina E.E., Tsadura E.A. *Social policy in the long term: multidimensional poverty and effective targeting*. Moscow: Delo Publishing house, Ranepa, 2019, 52 p. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. *Sociology of inequality. Theory and reality*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2012, 526 p. (In Russ.)
- Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension*. Moscow: New chronograph, 2010, 256 p. (In Russ.)

-
- Tarkowsky J. *Sociology of world politics. Patrons and customers*. Warsaw: Institute for political Research of PAS, 1994, Vol. 2, 342 p. (In Pol.)
- Tikhonova N.E. *Social stratification of modern Russia: experience of empirical analysis*. Moscow: IS RAS, 2007, 320 p. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. Life success and social status factors in the minds of Russians. *Vestnik instituta sotziologii*. 2018, Vol. 9, N 4, P. 11–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536> (In Russ.)